

От организационных решений до новых функций социальных медиа

Несмотря на то, что не только электронные СМИ, но и военные аналитики к началу 2017 года стали уверенно говорить о закате или даже конце ИГИЛ, считать проблему решённой ещё довольно рано.

ИГИЛ – это принципиально новое квазигосударственное образование. Соответственно победа над ним не может быть одержана за счёт захвата территории. Для того чтобы пояснить сделанный вывод, коротко расскажем о структуре ИГИЛ (запрещена в России).

Что же достоверно известно об ИГИЛ? Прежде всего, то, что ИГИЛ не является столь модной ныне сетевой структурой. Такой характер имеет скорее “Аль-Каида” и частично “Талибан” (запрещены в РФ). ИГИЛ – это иерархическая многофункциональная структура, созданная с учётом последних достижений организационной инженерии. В структуре ИГИЛ можно выделить несколько ярко выраженных иерархических слоёв.

Высший слой – это командование. Несмотря на то, что формально ИГИЛ имеет почти пятнадцатилетнюю историю, фактически новая структура появилась три-четыре года назад. С первых дней своего появления новый ИГИЛ не был чисто военной структурой. Соответственно, командование ИГИЛ – это не только и не столько военное командование, сколько ядро людей, руководящих самыми различными сторонами функционирования и экспансии этой структуры. Формально во главе ИГИЛ стоит богослов Абу Бакр аль-Багдади. По распространяемым ИГИЛ сведениям, он является прямым потомком пророка Мухаммеда. В этом смысле гораздо более авторитетен для мусульманской уммы, чем коммерсант Усама бен Ладен.

Значительную часть других руководителей ИГИЛ составляют бывшие офицеры армии Саддама Хусейна, занимающие основные военные должности, а также руководящие разведкой, логистикой, системой безопасности. Есть в руководстве организации и мусульмане неарабского происхождения. Нельзя не отметить, что в наиболее полный на сегодняшний день отчёт о руководстве ИГИЛ *Who's of the Islamic State Senior Leadership*, подготовленным ведущим исследователем института Брукинга Ч. Листером, более половины ключевых командиров, администраторов и чиновников ИГИЛ известны только по кличкам. Относительно них не имеется какой-либо биографической информации, отсутствуют даже их фотографии.

Второй уровень ИГИЛ составляют высококвалифицированные профессионалы в самых различных сферах, прежде всего, в военном деле, в терроре, а также в тыловом обеспечении боевых операций, логистике и проч. Они составляют наиболее боеспособные формирования ИГИЛ, выступают командирами, инструкторами, выполняют административные и иные функции. Следует отметить, что, в отличие от других террористических организаций, ИГИЛ старается использовать в том числе лиц, не обязательно разделяющих идеологические устремления и религиозные воззрения лидеров ИГИЛ. Как это ни удивительно, по имеющейся информации, командование ИГИЛ в ряде областей, особенно там, где требуются глубокие технические и специальные знания, привлекает на работу спецов. Некоторые из них идут на службу в ИГИЛ из-за денег, другие – из-за страха за семьи, которые не смогли вовремя бежать с территорий, захваченных ИГИЛ. Кроме того, значительную часть спецов составляют выходцы из Европы и Америки, разделяющие ненависть к западному образу жизни и принявшие фундаменталистский ислам.

Наиболее массовый слой ИГИЛ – это боевики, фактически – “пушечное мясо”, самого различного происхождения. Здесь и фанатичные, необученные жители районов, в которых традиционно сильно влияние тех или иных родов, чьи представители вошли в руководство ИГИЛ, деклассированные, криминальные и просто люмпенизированные группы молодежи со всего Ближнего и Среднего Востока, остатки вооружённых формирований менее удачливых групп и группировок, воевавших против правительств Сирии и Ирака, и т. п. Сюда же входят добровольцы из Европы, с постсоветского пространства, которые в своей основе не имеют военной подготовки и после ускоренного обучения отправляются на поле боя. “Пушечное мясо” для ИГИЛ крайне важно, поскольку, в отличие от традиционных террористических организаций, подразделения ИГИЛ осуществляют не только разовые, кинжальные рейды, но и ведут полноценные боевые действия, сопровождающиеся серьёзными потерями.

Наконец, и в Сирии, и в Ираке, государствах, где в настоящее время в основном действует ИГИЛ, в её структуру часто включают относительно независимые военные группировки, которые являются временными союзниками ИГИЛ и относятся, как правило, к родовым, племенным, территориальным и иным образованиям. Это достаточно большой резерв живой силы. По различным оценкам, он составляет от 20 до 40 тысяч человек, в то время как сама по себе ИГИЛ имеет 25–30 тысяч боевиков.

ИГИЛ отличается от иных террористических организаций тем, что после своей реструктуризации два-три года назад превратилась в своего рода теократическое квазигосударство. Собственно, это отражено и в названии организации – Исламское государство Ирака и Леванта. В последнее время название упростилось до Исламского государства.

Наряду с военными функциями ИГИЛ берёт на себя административное управление захваченными территориями, ведёт финансовую деятельность, устанавливает отношения с различного рода государственными и негосударственными структурами, активно присутствует в медийном пространстве. В ходе военных действий удалось захватить некоторые архивы территориальных подразделений ИГИЛ. Не так давно они были продемонстрированы американским и немецким журналистам. Они с удивлением обнаружили, что документы по форме практически не отличаются от аналогичных документов, используемых администрациями международно признанных государств.

На сегодняшний день ИГИЛ является самой богатой террористической организацией мира. И дело здесь не только в 426 млн долларов наличными, захваченных ИГИЛ при взятии иракского города Мосул. Дело в уникальной, построенной на беспрецедентной жестокости и насилии экономической системе ИГИЛ. Эта система позволяет говорить о том, что, по сути, ИГИЛ – это даже не столько квазигосударство, сколько своеобразная религиозная военно-финансовая корпорация. На конец 2016 года ИГИЛ контролировала несколько нефтеносных полей. В результате, по оценке руководителя финансовой разведки США Д. Козна, ежедневные доходы ИГИЛ от продажи контрабандной нефти превышают 1 млн долларов в день. Британские аналитики увеличивают эту цифру до 2,5 млн.

Однако не нефтью единой жива ИГИЛ. В районах, контролируемых организацией, устанавливается налог в размере 10% от прибыли, который платят

практически все компании и лица, занятые хозяйственной деятельностью. Кроме того, с каждой покупки покупатель выплачивает 2% от её цены на так называемые благотворительные цели ИГИЛ. Плюс, если осуществляется приобретение какой-то крупной вещи, например, машины, оборудования, то в казну ИГИЛ поступает 10% от цены. Естественно, что точных расчётов никто не ведёт и суммы взимаются, что называется, “на глазок”.

Значительные поступления денежных средств ИГИЛ получает от людей, которые хотят покинуть территорию, захваченную ИГИЛ, вывезти оттуда своих родственников, родных и т. п. Размеры такого рода выкупа варьируются, и для состоятельных людей составляют десятки тысяч долларов. Кроме того, организация занимается работоторговлей, контрабандной поставкой оружия, которым располагает в изобилие, и другими видами незаконного бизнеса.

Особо хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Нельзя упростить ситуацию и представлять дело так, что ИГИЛ занимается чистым грабежом захваченных территорий. Реальность оказывается гораздо более сложной. Применительно к суннитским районам Ирака приход подразделений ИГИЛ не означал увеличения налогового бремени на предпринимателей. Более того, кое-где оно даже несколько снизилось. В отношении суннитов ИГИЛ старается пока проводить политику стабилизации финансовых потоков. При этом организация максимально, можно даже сказать, беспределно грабит различного рода религиозные меньшинства и реквизирует всю собственность шиитов на захваченных территориях.

По имеющимся оценкам, совокупный объём финансовых потоков ИГИЛ составляет в настоящее время около 1 млрд долларов в год и имеет тенденцию к нарастанию. Буквально в конце 2016 года появилась информация о том, что ИГИЛ начала не только идеологическую, но и финансовую экспансию в Европу, в стабильные страны Северной Африки, такие как Марокко и Алжир, на постсоветское пространство.

Экспансия строится следующим образом. Если то или иное сообщество или группа людей признаёт духовного лидера ИГИЛ за прямого потомка пророка Мухаммеда и полностью принимает нарочито размытые религиозные установки ИГИЛ, которые организация маскирует под правоверный ислам, им предоставляется возможность получить ту или иную сумму из казны ИГИЛ на развитие бизнеса. В результате, с одной стороны, они включаются в хозяйственный оборот ИГИЛ и обязуются выплачивать указанные выше 10% и другие чрезвычайные сборы, а с другой стороны, становятся потенциальными рекрутами для “пушечного мяса” либо тылом для проведения боевых террористических операций в странах проживания. По своему экономическому характеру этот подход характерен для преступных синдикатов Южной и Восточной Азии, а не для арабского мира. Однако уже существуют убедительные подтверждения, что он повсюду начал применяться ИГИЛ.

Анализируя различного рода первичную фактографическую информацию по ИГИЛ, нельзя отделаться от ощущения, что эта квазигосударственная террористическая организация является, помимо прочего, своего рода экспериментальной площадкой по отработке принципиально новых организационных и иных решений создания глобального субъекта деструкции. Иными словами, ИГИЛ – это полигон. Причём данный вывод ни в коей мере не противоречит тому факту, что ИГИЛ имеет собственные, далеко идущие цели на Ближнем и Среднем Востоке. Однако, как известно, спецслужбы всегда использовали исполнителей “в тёмную”.

Чтобы понять ИГИЛ, важно прочитать несколько работ. В них, по сути, фрагментами представлены все основные практики, которые мы сегодня наблюдаем в деятельности ИГИЛ. К таким работам относятся многотомный доклад “Новый взгляд на контрповстанческую деятельность” Д. Маккинлея и Э. Аль-Баддевея, изданный корпорацией RAND; книга Д. Килколлена “Спускайся с гор: грядущая эпоха войны в городах”; работа М. Кастеллса “Сети гнева и надежды: социальные движения в эпоху интернета”. Речь не идёт о том, что три указанных автора имеют какое-либо отношение к ИГИЛ.

Сравнение практики ИГИЛ и мыслей, содержащихся в этих книгах, наталкивает на иной вывод: к созданию ИГИЛ приложили руку высококвалифицированные аналитики и практики из спецслужб, своеобразные инженеры деструкции. Никакие баасистские офицеры, сколь бы хорошо их ни обучали и какой бы боевой опыт они ни имели, не смогли бы воплотить в деятельность

своей организации последние разработки и достижения мировой стратегической, организационной и технологической мысли. При этом, без сомнений, у этих *инженеров хаоса* были и есть мощнейшие союзники в арабском мире. Об этом говорит следование ИГИЛ установкам малоизвестной на Западе работы Абу Бакр Наджа “Управление жестокостью: самая критическая стадия создания халифата”, написанной в 2004 году.

Совсем коротко суть работы в следующем. Вторжение американцев в Ирак и Афганистан не просто неизбежно закончится поражением, но и породит дикость и хаос, с которыми они справиться не смогут. Далее, по мнению автора, оружие, дикость и беспорядки расплзутся по всему Ближнему и Среднему Востоку и погрузят регион в войны, распри и бессмысленное насилие. Остановить бессмысленное насилие сможет осмысленное насилие в форме беспредельной жестокости, которую проявит сила, строящая всемирный халифат.

Таким образом, налицо *соединение маскирующейся под ислам некой новой религии насилия с последними инженерно-технологическими разработками спецслужб и кадровым потенциалом военных административных и разведывательных структур стран Ближнего и Среднего Востока, а также Центральной Азии.*

Нынешние успехи коалиций не являются неожиданностью для ИГИЛ. Ещё в начале 2015 года, когда халифат шёл от победы к победе, один из наиболее влиятельных теологов ИГИЛ, выходец из Бахрейна – Турки аль-Бинали – встретился в Дубае с известным специалистом по радикальному исламу Д. Кабулназиром. В вышедшей в 2017 году книге *Soldiers of Allah and global caliphate* Д. Кабулназир привёл слова Турки аль-Бинали: “Аллах всевидящ и всемогущ. Он одарил нас знанием, что крестоносцы придут на наши земли и разрушат первый халифат, созданный аль-Багдади. Это случится через два или три года после нашего разговора. Мы готовы к этому. Мы не боимся умереть и встретиться с Аллахом. За это время мы создадим по всему миру ячейки нашего халифата. Он станет глобальным. И когда крестоносцы возрадуются, что разрушили последнюю нашу мечеть, мы повсеместно нанесём удар, от которого они не оправятся”. Командующий вооружёнными силами ИГИЛ Гулмурод Халимов в аудиовыступлении в августе 2016 года сказал: “Воинский путь – это долгий путь. В этом пути многие правверные погибнут. Будет казаться, что наше дело окажется на краю гибели. Победы и поражения будут чередоваться. Но в итоге во всём мире будет установлен всемирный халифат. Зелёное знамя поднимется не только над Меккой, Иерусалимом и Багдадом, но и над Лондоном, Москвой и Нью-Йорком. Сегодня мы уже готовы перенести битву в Европу, Америку и Россию”.

Приведённые фрагменты при всей напыщенности говоривших позволяют разглядеть готовность ИГИЛ к новому этапу террористических действий. С осени 2016 года руководящее ядро ИГИЛ начало рассредотачиваться непосредственно с территории, контролируемой ИГИЛ в Сирии и Ираке, по Среднему Востоку, включая Ливию, Йемен и районы афгано-пакистанской границы.

Есть все основания полагать, что в ближайшем будущем ИГИЛ постарается активизировать свои спящие ячейки в странах ЕС, Северной Америке и странах ЕАЭС. В этой связи большой интерес представляют материалы, подготовленные экспертами Европола относительно основных направлений трансформации ИГИЛ и других джихадистских организаций в странах ЕС.

Аналитики и практики правоохранительных и разведывательных органов, а также представители вооружённых сил рассматривают Исламское государство как исключительно террористическую структуру. Данный подход окончательно сформировался после первых крупных террористических актов ИГИЛ, совершённых в Бельгии в 2015 году и во Франции в 2016-м. Детально анализируя ход событий на Ближнем и Среднем Востоке, в Магрибе и на территории ЕС, подавляющая часть руководителей правоохранительных органов полагает, что в ближайшее время ИГИЛ сохранит волю, потенциал и способность нанести новые удары по целям за пределами Ближнего и Среднего Востока в ближайшем будущем.

Основной проблемой стран ЕС в области терроризма продолжает оставаться *активность джихадистских групп, ориентированных на ИГИЛ.* Отличительной чертой 2015-2016 годов стало усиление циркуляции между европейскими сторонниками джихадистов и террористами в районах Среднего

и Ближнего Востока. Как в рамках незаконных миграционных потоков, так и легального туризма, по данным Европола, в 2016 году из Европы выехал граждан государств ЕС для участия в боевых действиях на стороне ИГИЛ в количестве более 5 тысяч человек. Для сравнения, в 2015 году таковых было примерно 2 тысячи. В то же время в независимых журналистских расследованиях, проведённых немецким журналом «Фокус» и Би-Би-Си, эта численность оценивается примерно в 7-8 тысяч человек. По данным журналистских расследований, в Европу вернулось не менее 2,5 тысячи террористов и других джихадистов, прошедших боевую и террористическую подготовку, а также участвовавших в боевых действиях ИГИЛ против подразделений двух коалиций.

При этом, по данным разведывательных служб стран ЕС, на территории ЕС присутствуют не более 200 человек, прошедших специальную подготовку в ИГИЛ для проведения террористических актов в Европе. Не вдаваясь в оценку справедливости тех или иных цифр, авторы доклада считают необходимым чётко выразить собственное мнение: в прошлом значительные расхождения в оценках ресурсного обеспечения той или иной угрозы свидетельствовали, вне зависимости от её недооценки или переоценки, о низком уровне готовности к отражению и слабой координации силовых структур, противостоящих терроризму.

В течение 2016 года стратегия ИГИЛ постоянно модифицировалась. На первом этапе главной целью был захват территорий и местных ресурсов. В противовес бытующему в государствах ЕС и Северной Америке мнению, по данным Европола, главные доходы ИГИЛ получало отнюдь не от незаконной добычи и экспорта нефти и нефтепродуктов, а из других источников. Главными среди них являются три:

– *монополизация производства*, а главное, распределение и продажа продуктов питания на территории Ирака и северо-востока Сирии. ИГИЛ контролирует основные оазисы и места производства сельскохозяйственной продукции;

– *налоговые поступления*. На территории ИГИЛ, согласно данным правоохранителей, а также представителей средств массовой информации, которым удалось проникнуть в районы, захваченные джихадистами, уровень реальной экономической активности заметно выше, чем на территориях, контролируемых правительством Ирака и режимом Асада. 10% доходов все экономически активные субъекты в зонах, контролируемых террористами, перечисляют ИГИЛ. Кроме того, ИГИЛ время от времени обращается с требованием принять участие в кампаниях по мобилизации средств на те или иные конкретные цели. Не будет преувеличением сказать, что ИГИЛ – это наиболее экономически ориентированное и эффективно управляемое террористическое образование;

– *доходы ИГИЛ от аффилированной или подчинённой организованной преступности*. На сегодняшний день ИГИЛ в значительной степени прямо или косвенно получает не менее 1/3 доходов, связанных с незаконной миграцией в Европу по балканскому, ливийскому и турецкому маршрутам. По данным Европола, в 2016 году преступные доходы от незаконной миграции составили примерно 1,2–1,9 млрд евро.

На Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 года был распространён доклад лондонского института *King's College*, который считает, что доходы террористической организации «Исламское государство» (ИГ) в течение двух последних лет сократились более чем наполовину. Авторы исследования связывают это с тем, что регионы, которые контролирует ИГ в Сирии и Ираке, постоянно уменьшаются в размерах.

Кроме того, ИГИЛ не чурается участия в *легальном бизнесе*. В рамках совместной операции Европола и Интерпола в 2016 году удалось пресечь деятельность нескольких туристических агентств, которые обеспечивали не только транзит, но и документы для проживания состоятельных граждан со Среднего и Ближнего Востока во Франции, Великобритании, США и Австралии.

ИГИЛ постепенно начинает использовать информационное пространство не только как площадку для агитации, вербовки в ряды террористов, но и как коммерческую сферу. После гибели в августе в 2016 года в Алеппо одного из руководителей Аль-Каиды Абу Мухаммеда аль-Адани ИГИЛ впервые записало в высоком качестве и продало так же, как на Западе продаются видеофильмы, его проповедь от 22 сентября 2014 года. В ней аль-Адани сказал, что Господь сообщил ему весть о смерти в ближайшие три года. Поэтому последователи,

когда предерженные Аллаха свершится, должны отбросить страх и приступить к джихаду в тех странах, где они живут, от Новой Зеландии до Канады, от Южной Африки до Норвегии. Речь, ценой в 6 евро, была продана в количестве 3 млн копий.

В 2016 году, наряду с появлением значительного числа онлайн-курсов, формирующих навыки терроризма, ведения уличных боев, конспирации, агентурной работы и т. п., носящих бесплатный характер, ИГИЛ приступило к выпуску компьютерных игр. Сами по себе игры бесплатные. Но игроки имеют возможность докупать дополнительные опции и игровую атрибутику за деньги. При всём том, что данное направление в масштабе общего финансового оборота ИГИЛ статистически не значимо, важен сам факт, что ИГИЛ является первой террористической структурой, которая начинает оперировать в киберпространстве, в том числе в коммерческом его секторе.

Европейские страны не являются единственными целями ИГИЛ. 31 октября 2015 года, как теперь известно Европолу, одна из египетских ячеек ИГИЛ взорвала российский аэробус А-321. В результате погибло 224 пассажира и члены экипажа. В настоящее время, по данным Европола, вне государств ЕС зафиксировано не менее 100 террористических заговоров и попыток осуществления террористических акций, в основном, силами ИГИЛ. Тремя, помимо Европы, странами, которым в наибольшей степени угрожает ИГИЛ, являются Россия, Соединённые Штаты Америки и Австралия.

В настоящее время в рамках ИГИЛ сложилась чёткая иерархия врагов. Информация об этой иерархии малоизвестна в государствах ЕС и вообще за пределами Ближнего и Среднего Востока. Незнание иерархии врагов затрудняет адекватное понимание джихадистской картины мира, а соответственно, препятствует эффективному противодействию терроризма.

В этой связи авторы доклада сочли целесообразным привести ранжирование врагов ИГИЛ, использованное во внутренних документах организации. Главными врагами ИГИЛ являются шииты, алавиты и хазарийцы. Из других направлений ислама ИГИЛ неодобрительно относится к большинству тарикатов суфийских орденов, но допускают временные союзы с ними. По уровню враждебности с шиитами конкурируют только курды и езиды-огнепоклонники. Парадоксальным образом в перечне официальных врагов ИГИЛ редко упоминается иудаизм. При этом ИГИЛ, подобно многим другим джихадистским силам, отказывает Израилю в праве на существование.

Главный дальний враг ИГИЛ – это Запад. На Западе наиболее враждебны для ИГИЛ Соединённые Штаты Америки. После относительной нормализации отношений Ирана и Соединённых Штатов руководство ИГИЛ выпустило специальный документ, в котором истолковало данный союз как естественное единство дальних и ближних сатанитов.

Если абстрагироваться от пропагандистской машины ИГИЛ, то во внутренних документах организации прослеживается дифференцированный подход к различным государствам ЕС. В основе подхода лежит жёсткая прагматика: степень враждебности прямо связывается с участием подразделений страны в действиях коалиции, а также зависит от жёсткости антииммиграционного законодательства. В этом плане во внутренних документах, например, Франция и Нидерланды, несмотря на исторические связи с районами Ближнего и Среднего Востока, рассматриваются как враги более высокого ранга, чем Германия, не слишком активно участвующая в коалиции, а также принимающая большое число нелегальных мигрантов.

Несмотря на то, что в документах ИГИЛ можно встретить много упоминаний о России, в распоряжении Европола нет исчерпывающих документов, которые демонстрировали бы рассмотрение России как врага, равного Соединённым Штатам, Ирану или алавитам. В основном фетвы, направленные против России, имеют источником не структуры внутри ИГИЛ, а богословов-джихадистов, симпатизирующих ИГИЛ, в основном из Египта, из Саудовской Аравии и проживающих на территории Европы.

Прагматичность и пластичность списка главных врагов ИГИЛ демонстрирует уникальную черту организации. В отличие от Аль-Каиды, Аль-Нусры и других типовых организаций, ИГИЛ – это деструктивная структура, которая не только органически объединяет, но и эффективно разделяет джихадистскую идеологию и прагматичную внешнюю и внутреннюю политику. Это делает её ещё более опасной.

Касаясь географического расположения ячеек ИГИЛ – они действуют, помимо практически всех западноевропейских государств ЕС, а также Румынии и Польши, ещё в 18 странах, включая Алжир, Ливию, Йемен, Саудовскую Аравию, Афганистан, Пакистан, Бангладеш, Нигерию, Индонезию, Малайзию, Бруней, Северный Судан, Россию, Соединённые Штаты, Узбекистан, Таджикистан, Киргизию, Украину.

Удельный вес мусульманской общины в населении ЕС стремительно увеличивается. Если в 1990 году на мусульманское население приходилось 4%, в 2010 году – 7%, то к 2025 году доля мусульман превысит 10%. Наиболее крупные мусульманские общины в государствах ЕС находятся в Германии – 5,2 млн человек, или 6,1% населения, во Франции – 6,9 млн человек, или 7,5% населения, и в Бельгии – чуть более миллиона человек, или 12% населения. Особенно быстрыми темпами растёт мусульманская община в крупнейших городах государств ЕС и агломерациях. В настоящее время в Париже проживает 1,7 млн приверженцев ислама. Это самый крупный мусульманский город мира за пределами традиционных районов проживания мусульман. При этом по удельному весу мусульманской диаспоры Париж не является рекордсменом. Наиболее высок удельный вес общины в Амстердаме – 14%, Антверпене – 17%, Кёльне – 18%, Стокгольме – 20%, Брюсселе – до 25%, в Марселе – 27% и в Лионе – 34%.

Большую часть мусульманской общины Европы составляют коренные жители континента во втором и более ранних поколениях. В решающей степени это связано с тем, что при средней рождаемости белого коренного населения в странах ЕС – 1,38 ребёнка на семью, по мусульманским диаспорам показатель достигает 8,1 ребёнка на семью. Общая численность нелегальных мигрантов на территории ЕС оценивается пограничными службами государств ЕС и правоохранительными органами примерно в 2 млн человек, из которых не менее 1,1 млн человек прибыли в Европу из районов Ближнего и Среднего Востока в 2015-2016 годах.

В последние 3–5 лет в странах ЕС набирает силу новая тенденция, связанная с переходом в мусульманство представителей коренных народов Европы. С 2010 года, по данным соответствующих федеральных служб, в Германии приняло ислам полмиллиона этнических немцев, во Франции – более 700 тысяч коренных французов, 250 тысяч коренных бельгийцев, ранее записанных как католики, протестанты или атеисты, в 2015 году указали себя как мусульмане.

Дополнительным фактором, вызывающим озабоченность правоохранительных органов, является тот факт, что не менее 70% нелегальных мигрантов в Европу составили не старики, женщины и дети, а молодые люди в возрасте от 17 до 35 лет.

На территории ЕС наибольшие риски встретиться с террористической атакой в 2017 году имеет Франция. Это обусловлено рядом обстоятельств:

– именно Франция во второй половине XX века имела особое отношение с Сирией, Ливаном, а также после ухода в 50-е годы из Ирака Великобритании – и с этой страной. Именно во Франции самая крупная из всех европейских стран мусульманская диаспора неевропейского происхождения. В отличие от Германии, где мусульманскую диаспору сформировали выходцы из Турции, а затем с Балканского полуострова, французская диаспора образовалась за счёт выходцев из Ирака, Алжира, Ливии, Сирии и Марокко;

– в течение последних 25 лет Франция имела тесные политические, экономические и элитные взаимоотношения со многими странами Магриба и Ближнего Востока, прежде всего, Сирией, Ливаном, Алжиром, Тунисом, Марокко. Кроме того, следует помнить, что во Франции проживает значительная часть иракской интеллигенции, а также большая иранская община;

– при исторически тесных связях с Магрибом, Франция в отличие от многих других стран, прежде всего, Германии и Великобритании, имеет гораздо более сильную светскую традицию. Так, в 2004 году во Франции принят и продолжает действовать закон, запрещающий ношение паранджи в школах. В 2010 году принят закон, запрещающий ношение паранджи в любых государственных учреждениях, а также организациях, финансируемых за счёт государства. Во Франции действует запрет на выдачу телевизионных лицензий каналам любой религиозной направленности. Строго запрещено преподавание религиозных учений в рамках общеобразовательных школ и других учебных

заведений. Не будет преувеличением сказать, что именно во Франции, вместе с Испанией, Италией и другими католическими странами ЕС, существует наиболее жёсткое законодательство, препятствующее пропаганде джихадизма.

Также сохраняется высокий уровень террористической угрозы в Бельгии. Если во Франции высокий уровень террористической угрозы связан со всё обостряющимися противоречиями между набирающей мощь не только в демографическом, но и в коммерческом плане мусульманской общиной вообще, и джихадистами в особенности с французским социумом, то бельгийские риски связаны с иными причинами. В 2015-2016 годах Бельгия жила в условиях перманентного правительственного кризиса. Кризис привёл не только к ослаблению работы федеральных и региональных органов власти, но и в значительной степени ухудшил координацию деятельности правоохранительных служб между собой и соответствующих служб в масштабах ЕС. В результате, несмотря на небольшую численность населения Бельгии, наибольшее число идентифицированных джихадистов, сражающихся на стороне ИГИЛ, и в том числе вернувшихся в Европу, приходится именно на Бельгию. В 2016 году Европоллом идентифицировано более 700 джихадистов, из которых как минимум 500 сражаются на стороне ИГИЛ, 35 предположительно мертвы, а остальные вернулись и ушли из-под наблюдения в странах ЕС. В настоящее время в Бельгии существуют целые районы, например, брюссельская община Моленбек-Сен-Жан, а также муниципалитет Вервье, которые, по сути, контролируются на уровне муниципальных органов власти радикальными исламистами, близкими к ИГИЛ.

Не характерная для других стран ЕС ситуация сложилась с джихадистами в Германии. Исторически германская мусульманская община формировалась за счёт этнических турок, а также жителей балканских стран, исповедующих ислам. Несмотря на высокий удельный вес германских граждан мусульманского вероисповедания, община не замыкалась на самой себе и в течение долгого периода успешно интегрировалась в многонациональное общество Германии. Ситуация изменилась буквально в последние два года.

Массовая нелегальная иммиграция оказалась направленной, прежде всего, не в страны с традиционно сильными мусульманскими диаспорами выходцев из районов Леванта и Магриба – Франции, Бельгии, Нидерланды, Великобританию, – а в основном в Германию, Австрию, Швецию и Данию. Новые мигранты практически не имеют связей в сформировавшейся диаспоре и соответственно испытывают трудности в интеграции не только в немецкое общество вообще, но и в его мусульманский компонент, в частности.

В результате, в отличие от большинства других государств ЕС, вновь прибывшие, в том числе нелегальные мигранты, проживают не в местах расселения диаспор, а в обособленных зонах, лагерях временного пребывания, как правило, рядом с городами и другими населёнными пунктами, где до этого не существовало мусульманских общин. Соответственно, в отличие от Франции, Бельгии, некоторых других государств ЕС, немецкие правоохранительные органы ограничены в возможностях работать против ИГИЛ, салафитских агитаторов и т. п., поскольку не имеют укоренённых связей во вновь образованных лагерях и местах временного проживания нелегальных мигрантов.

Потенциально большие риски, связанные с активностью ИГИЛ на территории Германии, обусловлены растущим отчуждением вновь прибывших нелегальных мигрантов, как правило, суннитов, приверженцев крайних версий джихадистского ислама, с коренным немецким населением, не имевшим опыта взаимодействия с компактными группами представителей других конфессий. Массовые преступления, в том числе на бытовой и сексуальной почве, произошедшие в 2015-2016 годах в Германии, особенно в районах Гамбурга, Любека, Бремена, Кёльна и Лейпцига, свидетельствуют, что ИГИЛ делает ставку на радикализацию нелегальных мигрантских общин и формирование боевых ячеек из молодёжных преступных групп и группировок.

За пределами ЕС наибольшие сложности для правоохранительных органов создают приверженцы ИГИЛ из России и других государств постсоветского пространства. Если вплоть до 2015 года радикальные исламисты, участвующие в террористических актах и боевых действиях на стороне Аль-Каиды, Джебхад-ан-Нусры, ИГИЛ, стремились вернуться в южные районы России, прежде всего, на Северный Кавказ, а также создавали форпосты в Поволжье, то в течение 2015-2016 годов ситуация изменилась.

Правоохранительные органы ЕС отметили, что немалая часть россиян-джихадистов, участвовавших в боевых действиях и террористических операциях ИГИЛ, возвращаются после пребывания на ближне- и средневосточном фронтах боевых действий не назад, в Россию или Узбекистан, Таджикистан, а отправляются либо на Украину, либо в Румынию и Польшу, а затем инфильтруются на территорию ЕС.

Деятельность ИГИЛ на территории ЕС, включая выбор целей для атак, становится всё более разнообразной. До последнего времени все террористические преступные действия джихадистов можно было разделить на два основных типа.

Первый – это *террористические атаки в местах массовых скоплений публички*. Наиболее яркими примерами подобных атак стали террористические акты в Париже и Брюсселе.

Вторым типом являются *одиночные атаки на символические цели*. В качестве цели обычно выбираются граждане, известные в основном не населению Европы, а в рамках мусульманских европейских диаспор либо среди сторонников джихадистского ислама. Также объектами атак второго типа являются сотрудники правоохранительных органов. Наглядным примером является убийство 20 декабря 2014 года трёх сотрудников полиции в полицейском участке Жуэ-ле-Тур, на которых жаловались жители близлежащих, населённых преимущественно мусульманами кварталов за чрезмерную строгость к молодёжи, нарушающей нормы правопорядка. Данная атака имела целью не только показать всеилье ИГИЛ, но и выставить ИГИЛ эффективным защитником мусульманской диаспоры, проживающей далеко от районов, где базируется организация. В 2016 году примерно с такой же мотивацией были проведены атаки на трёх полицейских в Мельбурне, а также на начальника одного из региональных подразделений полиции во Франции и его жену в июле 2016 года. В этом же году двум молодым женщинам-полицейским из мусульманской общины Бельгии удалось избежать ловушки джихадистов в Шарлеруа. ИГИЛ придавало большое значение успеху этой акции и даже накануне объявило, что в одной из стран Западной Европы будут убиты две многократно изменивших исламу женщины.

Во второй половине 2016 года правоохранительным органам стран ЕС удалось обнаружить в *теневом интернете учебные курсы-программы по формированию автономных ячейек террористов*. Эти курсы включают не только учебники, инструкции, но и видеоматериалы по изготовлению самодельных взрывных устройств, приобретению на незаконных рынках оружия и т. п. Тщательный анализ материалов курсов позволяют сделать вывод, что в 2017 году ИГИЛ на территории ЕС собирается запустить третий тип террористических атак. Они представляют собой осуществляемые по призыву, но независимо от каких-либо командных или логистических цепочек, неизбежные нападения на цели в крупных мегаполисах. Отличительными чертами таких насыщающих нападений, согласно анализу материалов, являются:

- использование в качестве террористов неподготовленных специально сторонников ИГИЛ. При этом имеется в виду, что подготовку они получают самостоятельно через онлайн-курсы, а по своему душевному состоянию готовы погибнуть в ходе нападения;

- ключевое значение имеет не объект атаки, а одновременность террористических актов в течение максимум дня в рамках одной локализации. Более того, в учебных материалах указывается, что не стоит сосредотачиваться на проведении актов в местах массовых зрелищ, крупных торговых центрах, в театрах и т. п., а также в иных помещениях и на территориях, оснащённых видеонаблюдением и предусматривающих контроль доступа. Приоритет отдаётся небольшим магазинам, кафе, улицам и т. п. Особое внимание уделено технике проведения террористических актов в школах и на детских площадках;

- каждая ячейка в рамках насыщающего нападения действует совершенно независимо от других, повинуеться сигналам, полученным через открытые источники, прежде всего, интернет. Проанализировав материалы, можно высказать предположение, что среди сторонников джихадистского террористического ислама формируется своего рода сигнальный язык. Его важность связана с пропагандистским эффектом атак. Если насыщающее нападение достигнет своей цели, ИГИЛ, не отдавая прямых приказов, тем не менее,

сможет заявить о своей ответственности. При провале или срыве атак отсутствие прямых призывов не позволяет отнести неудачу к активности правоохранительных органов и развеять миф о неуязвимости ИГИЛ.

Складывается впечатление, что ИГИЛ целенаправленно хаотизирует и радикализирует политическую ситуацию в таких странах, как Франция, Германия, Бельгия, где в следующем году предстоят выборы.

Кроме того, есть основания полагать, что отработка неизбирательных насыщающих нападений является очередным этапом в складывании полномасштабного террористического арсенала ИГИЛ. Многие специалисты по терроризму и контртерроризму, особенно из Великобритании и Австралии, полагают, что неизбирательные нападения, дезорганизуя силы безопасности и правопорядка, являются лучшим прикрытием для этапного нападения на электросети, ядерные установки и другие объекты критической инфраструктуры.

В общих чертах джихадисты-сторонники ИГИЛ могут быть описаны как особая группа молодых мужчин, имеющих, в основном, криминальное прошлое, подвергавшихся дискриминации, унижению и маргинализации в обществе. Они являются носителями специфических мировоззрений и верований. Среди теологов и специалистов по изучению конфессий продолжаются ожесточённые дискуссии, является ли джихадизм в различных вариациях религиозным учением, верованием или вероподобным мировоззрением. Значительная часть мусульманских теологов отказывают джихадистам в праве являться правоверными сторонниками Книги Пророка.

С точки зрения практической работы, джихадисты, несомненно, являются участниками и, более того, зачастую активными членами мусульманской уммы и имеют влияние далеко за пределами наиболее воинственных течений джихада.

Ещё одной отличительной чертой джихадистов, которую удалось выявить правоохранительным органам ряда стран, прежде всего, Германии, Франции и Австрии, является более высокий уровень различного рода психофизиологических патологий и проблем с психическим здоровьем по сравнению с контрольными группами лиц, с примерно идентичными половозрастными и этноконфессиональными характеристиками.

Свойственным акцентуированным личностям и истероидным группам повышенный уровень внушаемости делает такого рода молодых мужчин желанной и лёгкой добычей вербовщиков, а также побуждает их порывать привычные социальные и семейные связи, посвящать себя джихаду вплоть до смертничества.

Отличительной особенностью джихадистских групп, постепенно, во все возрастающих масштабах, переходящих из-под эгиды Аль-Каиды в Европе под полное влияние ИГИЛ, является закрытость в сочетании с внутренним тотальным контролем. В этой связи крайне затруднено агентурное внедрение и работа под прикрытием сотрудников правоохранительных органов. В последнее время, стараясь избежать плотного наблюдения со стороны правоохранительных органов, джихадисты Европы, следуя фетвам богословов, связанных с ИГИЛ, получили разрешение не проводить обязательных молитв в течение дня и даже не становиться постоянными посетителями мечетей. Им разрешается молиться дома не только в групповом порядке, но и поодиночке.

Данное обстоятельство показывает, что ИГИЛ так же, как и во многих других сферах, является прагматичной и рациональной организацией, когда речь заходит о достижении конкретных целей. Кроме того, значительная часть джихадистов, как это ни парадоксально, плохо знает Коран, никогда не читала книг видных богословов и воспринимает ислам, скорее, не как глубокое нравственное основание и свод жизненных правил, а как некий фактор, позволяющий идентифицировать себя с группой и противостоять окружающему миру. В противовес бытующему мнению, джихадисты – это не глубокие знатоки и последователи ислама, а, скорее, люди, воспринимающие ислам поверхностно, не как веру, а как своего рода внешнюю программу, которая позволяет по команде совершать те или иные коллективные действия. При этом ИГИЛ не старается заниматься богословским просвещением своих адептов и всё шире практикует упрощённые формы приобщения неофитов к джихадистскому исламу.

В целом, типичный европейский джихадист как из числа нелегальных мигрантов, так и представителей мусульманских диаспор, а также этнических

большинство стран ЕС, — это молодые, плохо образованные, имеющие зачастую поведенческие и психические отклонения люди с повышенным уровнем внушаемости и агрессивности, а также пониженным уровнем социальной адаптации и способности к регулярному, в том числе дисциплинированному, труду. Эти люди являются не только идеальными объектами для радикализации и вербовки, но и позволяют наиболее эффективно использовать бесструктурное или информационное управление, когда группы экстремистов реагируют не на приказы, а резонируют с определёнными мировыми событиями или проповедями, а отчасти и слухами.

Безусловно, для Европола настало время, когда анализ и прогнозирование действий джихадистов-сторонников ИГИЛ должен осуществляться не только в рамках традиционного контртеррористического анализа или криминальных расследований, но и базироваться на широком использовании поведенческих и иных гуманитарных наук, включая науки о стрессе и клинической психологии.

ИГИЛ является нетипичной террористической организацией в том смысле, что, в отличие от Аль-Каиды, Аль-Нусры, Талибана, старается разорвать все связи неопита не только с привычным семейным или дружеским кругом, но даже с членами территориальных религиозных общин, включая мулл. По сути, *ИГИЛ впервые воспроизводит в исламской среде практику тоталитарных культов и сект с превращением сознания новых adeptов и боевиков ИГИЛ в своего рода чистую доску.* Традиционные джихадистские террористические организации старались максимально использовать устойчивые единичные связи, в значительной степени работали именно через них. В то же время анализ правоохранительных органов стран ЕС, Великобритании, Соединённых Штатов Америки показывает, что одним из ключевых принципов проведения террористических актов ИГИЛ является арабский термин “чуждость”. Практически все террористические акты проводятся людьми, которые изначально либо не жили в районе проведения террористического акта, либо не поддерживали каких-либо связей с мусульманскими диаспорами в этих регионах. Единственным исключением являются некоторые районы Бельгии. Однако в рамках ЕС это совершенно особые районы, которые уже сегодня получили название “малый бельгийский халифат”.

В последние годы Европол, наряду с привычными методами криминологических расследований и правоохранительных операций, широко использует количественные методы исследований, базирующиеся на использовании анализа больших данных для выявления особенностей и характерных черт действий преступников и террористов. В ходе совместной франко-нидерландско-германской работы был проведён количественный анализ взаимодействия лиц и групп, идентифицированных как потенциальные приверженцы террористических организаций, с национальными и транснациональными организованными преступными группировками на территории государств ЕС.

Группы и персоны, так или иначе идентифицируемые с ИГИЛ, поддерживают на порядки более количественно интенсивные взаимодействия с организованными преступными группами, особенно на локальном уровне. В то же время ИГИЛ старается дистанцироваться от контактов с национальными и тем более транснациональными ОПГ.

В качестве гипотезы можно высказать предположение, что проектировщики ИГИЛ полагают, что наиболее крупные транснациональные ОПГ на территории ЕС, особенно определённой этнической направленности, включая албанские, турецкие, российские и т. п., находятся под пристальным вниманием правоохранительных органов и инфильтрированы их агентами под прикрытием. Вторая гипотеза заключается в том, что ИГИЛ вполне может рассматривать низкоуровневую организованную преступность как резервуар боевиков, особенно для неструктурированных и неорганизованных нападений. ИГИЛ в данном случае выступает не партнёром преступных групп, а, скорее, претендует на их использование в качестве инструмента.

Во второй половине 2016 года в общественном мнении и среди политиков государств ЕС всё большее распространение получает потенциально опасная тенденция. В 2016 году территория, контролируемая в Сирии и Ираке ИГИЛ, впервые с начала 2012 года начала уменьшаться. Коалиции под руководством Соединённых Штатов удалось отвоевать ряд важных районов в дельте Тигра и Евфрата и вплотную подойти к окраинам Мосула. Коалиции, в которую входят

Россия, Иран, Хезболла, а также силы, поддерживающие Б. Асада, удалось очистить от джихадистов район Пальмиры и продвигнуться по дороге на Ракку. Курдской пешмерге (ополчению) удалось отвоевать у ИГИЛ ряд районов на границе Сирии, Ирака и Турции. Данные успехи, а также некоторое уменьшение потока нелегальных мигрантов после достижения соглашений между правительством Турции и ЕС, создали впечатление об уменьшении потенциала ИГИЛ и снижении опасности для Европы от этой террористической организации. По мнению авторов доклада, в силу крайней неоднородности структур коалиций, действующих против ИГИЛ, множественности интересов различных внешних акторов на Ближнем и Среднем Востоке, а также благодаря продолжающейся деструкции региона в целом, не только в ближней, но и в средней перспективе угроза радикального джихадизма, прежде всего, в версии ИГИЛ, для государств ЕС будет только нарастать. Более того, есть основания полагать, что уже перейдён порог хаотизации региона, и война с джихадом неизбежно превращается в конфликт типа палестино-израильского, длящегося десятилетиями.

При этом ИГИЛ, в отличие от ранее известных террористических организаций, является рационально устроенной, эффективной структурой, использующей арсенал современных методов во всех сферах. Впервые в рамках ислама действует политико-террористическая организация, принципиально не ограниченная географической локацией, способная функционировать как в разрушенных войной регионах, так и в высоко урбанизированных пространствах.

Для Европола и правоохранительных органов стран ЕС ИГИЛ – это не уходящая, а набирающая силу угроза. Соответственно любая самоуспокоенность перед лицом террористической опасности лишь снижает волю народов к сопротивлению, заставляет органы власти экономить средства и, в конечном счёте, облегчает ИГИЛ достижение её целей.

Несмотря на усилия пограничных служб и правоохранительных органов, в государства ЕС продолжают попадать значительные партии не только охотничьих ружей и пистолетов, но и автоматические винтовки, взрывчатые вещества и даже самодельные мины.

Если вплоть до 2013 года джихадисты, включая сторонников ИГИЛ, приобретали огневые средства поражения в основном на европейском “чёрном рынке” оружия, ориентированном, прежде всего, на уголовный криминал, то, согласно данным национальных правоохранительных органов, в 2014–2016 годах ситуация начала меняться. В основном, джихадистские ячейки свёртывают связи с криминальным рынком оружия в государствах ЕС и переключаются на внешние поставки. Преимущественно оружие террористам стало поступать по балканскому миграционному потоку, пролегающему от Греции через Балканы на Венгрию, Австрию и вплоть до Германии, а также по украинскому транзиту из зоны военных действий через Закарпатье в восточноевропейские страны ЕС.

По прогнозам Европола, с 2017 года, при условии соблюдения соглашений между ЕС и Турцией по пресечению потоков нелегальной миграции уже на территории Турции, основным транзитным потоком вооружений для джихадистов станет украинско-закарпатский маршрут.

В отличие от огневых средств поражения, взрывчатые вещества, использовавшиеся в нападениях в Париже и Брюсселе, были произведены непосредственно на территории стран ЕС подпольными мастерскими и лабораториями, находящимися под контролем джихадистов. Отличительной особенностью данных мин является соединение самодельной взрывчатки с заводскими, приобретёнными на “чёрном рынке” стран Восточной Европы, входящих в ЕС, взрывателями, таймерами и т. п. С 2016 года ИГИЛ в сети Tor и других одно-ранговых сетях размещает учебные электронные журналы, например, *INSPIRE* и *DABIQ*. В этих журналах подробно объясняется, как произвести взрывчатые вещества, самодельные мины-ловушки, а также как можно усовершенствовать и повысить мощь и точность охотничьих и травматических вооружений, сделав их пригодными для террористических нападений.

В 2016 году в Германии и Австрии правоохранительным органам впервые удалось обнаружить на “чёрном рынке” мины промышленного производства предприятий украинского ВПК. В ходе расследования выяснилось, что они поступили в страны ЕС из районов ведения боевых действий в Донбассе через порт Одессы.

Наличие военных и ремонтных заводов по производству огнестрельного оружия военного класса в Болгарии, Румынии, Сербии, Боснии и Герцеговине также является дополнительным фактором снабжения джихадистов. В 2015-2016 годах в рамках совместных операций Интерпола, австрийских и германских правоохранительных органов удалось изъять на маршруте незаконной миграции ручные заводские гранаты, гранатомёты и снайперские винтовки, изготовленные на болгарском военном заводе "Арсенал", а также детонаторы, произведённые в республике Косово.

К немногим положительным моментам следует отнести отсутствие поставок вооружений заводского изготовления в страны ЕС из районов боевых действий с ИГИЛ в Сирии и Ираке. Однако это не означает, что в будущем джихадистские группы не постараются наладить транзит технических устройств, особенно мин-ловушек, мин, замаскированных под бытовые предметы и детские игрушки, из районов Ближнего Востока, куда они поступают из Пакистана.

Также нельзя исключить, что **ИГИЛ может рассмотреть вопрос об использовании химического или бактериологического оружия в ЕС.** Согласно разведывательным данным государств ЕС, в 2015-2016 годах химические и иные неконвенциональные вооружения в Сирии использовал не только режим Б. Асада, но и все основные террористические движения, включая Аль-Каиду, Аль-Нусру и ИГИЛ. Кроме того, известно, что в 2016 году ИГИЛ, по крайней мере, в течение двух месяцев имело доступ к ливийским хранилищам химического оружия, расположенным в племенной зоне каддафа.

Кроме того, есть признаки, что ИГИЛ уже экспериментирует с биологическим оружием. 18 февраля 2016 года марокканским властям удалось в районе паромной переправы между Марокко и Испанией захватить и обезвредить группу в составе 10 человек, которая перевозила колонию клеток, заражённых смертельно опасными вирусами. В ходе операции было арестовано 10 человек и конфискован груз. По предварительным данным, биологическое оружие было произведено в лабораториях города Бенгази (Ливия). Уже не в первый раз итальянским погранслужбам удаётся перехватывать в море суда, гружённые сельскохозяйственными удобрениями с аномально высоким содержанием серы. Подобные удобрения являются идеальным сырьём для производства химико-токсических вооружений.

В 2016 году марокканское МВД сообщило Европолу о более чем 10 случаях пресечения попыток контрабандного завоза через марокканские порты в Европу веществ, классифицируемых международными организациями как наносящие вред здоровью, и трёх веществ, подпадающих под категорию биологического оружия.

ИГИЛ с каждым месяцем всё шире использует интернет, включая Тог и социальные медиа, не только для распространения пропагандистских материалов, но и для рекрутинга боевиков и джихадистов и сбора средств. По данным разведывательных органов стран ЕС, за пропагандистскую работу и интернет в руководящих органах ИГИЛ отвечают не мусульманские богословы, как это было на ранних этапах существования организации, а выходцы из медийных и правоохранительных структур центральноазиатских республик, прежде всего, Таджикистана и Киргизии, а также противники правящих домов Катара и Саудовской Аравии, получившие опыт работы в системе Аль-Джазира.

Пропагандистскую работу ИГИЛ от деятельности других террористических организаций отличает несколько принципиальных черт:

- высокая технологичность контента. Если на первом этапе существования ИГИЛ для пропаганды использовались аудио- и видеокассеты с проповедями, то в настоящее время даже обычные проповеди джихадистов-богословов оформляются музыкальным и цветовым рядом. ИГИЛ является первой террористической организацией, издающей несколько специализированных электронных журналов и открывшей как минимум четыре регулярных онлайн-учебных центра;

- отказ от концепции единого вещания и производство контента, ориентированного на различные региональные и социальные категории;

- глобальный подход к вещанию. ИГИЛ является первой исламской террористической организацией, которая ведёт вещание в интернете и выпускает журналы не только на арабском, но и на коренных европейских язы-

ках, включая немецкий, английский, французский, голландский, датский и шведский;

– широкое использование компьютерных игр как многофункциональных пропагандистских продуктов. Посредством электронных игр ИГИЛ ведёт не только пропаганду джихадизма, но и реализует учебные цели, и даже осуществляет финансирование своей деятельности.

ИГИЛ на территории ЕС практически превратилось в монопольный рупор джихадизма. Ни Аль-Каида, ни Аль-Нусра не располагают возможностями ведения целенаправленных кампаний в информационном пространстве ЕС. Гегемония ИГИЛ среди радикальных сторонников воинственного ислама позволяет организации вербовать всё новых и новых сторонников, реализуя на практике концепцию точечного халифата в ЕС.

В опубликованных в 2015–2016 годах докладах о незаконной миграции в ЕС Европол и Интерпол оценили криминальные доходы организованной преступности и террористических сетей от этого процесса в сумме примерно в 1,2 млрд евро. Также в докладах содержалась оценка, что не менее трети этой суммы прямо или косвенно пополнили казну ИГИЛ.

Авторы настоящего доклада, базируясь на исследованиях Европола и первичных данных национальных правоохранительных органов, полагают, что джихадистские организации и, прежде всего, ИГИЛ гораздо более глубоко интегрированы в легальную и криминальную экономику государств ЕС, чем это принято оценивать экспертами и различными комитетами и комиссиями ЕС.

Приходится констатировать, что до настоящего времени не подготовлено в рамках программ ЕС ни одного исследовательского доклада, который бы позволял в континентальном и страновом разрезе объективно оценить масштабы экономики, контролируемой мусульманской диаспорой в странах ЕС, а также степени вовлечённости диаспоры, включая её террористическо-радикальное крыло, в экономику ЕС.

В этой связи авторы настоящей книги способны привести лишь отдельные соображения, а также высказать принципиальные гипотезы. При принятии соответствующих решений, а также поддержке специализированных подразделений и комиссий ЕС такая работа Европоллом может быть проделана.

Для оценки экономики мусульманской диаспоры и степени проникновения в неё ИГИЛ и других джихадистских организаций, принципиальное значение имеет изменение политического и социально-экономического курса крупнейших стран расселения мусульманской диаспоры, прежде всего, Бельгии, Франции, Германии и Дании.

В конце 90-х–начале нулевых годов ранее принятый в ЕС курс Трёх А – Адаптации, Ассимиляции и Абсорбции – был сменён на мультикультурализм. Краеугольной основой европейской правоприменительной и политико-экономической практики мультикультурализма является признание права за любой этноконфессиональной общиной на территории ЕС на сохранение собственного традиционного уклада жизни.

По данным комиссий ЕС, в результате мультикультурализма наиболее сильно пострадали интеграционистские социальные связи в Бельгии, Дании и Германии. Политика мультикультурализма в соседних странах привела к усилению напряжённости во Франции. Де-факто не поддерживая мультикультурализм, на практике французские власти вынуждены всё чаще действовать не в рамках политики Трёх А, а в рамках мультикультурализма.

В настоящее время на территории Франции находится более 720 замкнутых мусульманских общин, в Германии – более 640, более 160 – в Бельгии, и почти 90 – в Дании. Подобные общины трудно проницаемы для правоохранительных органов и, по сути, ведут отдельно от стран размещения существования. Если ещё в 90-е годы вновь прибывающие преимущественно из районов Магриба и Ближнего Востока мигранты-гастарбайтеры в течение первых трёх лет в доле не менее 60% осваивали немецкий язык, то в настоящее время каждый второй вновь прибывающий в Германию в течение трёх лет не общается с немцами вообще, а более 2/3 не предпринимают попыток к изучению немецкого языка. Это приводит к замыканию мусульманских общин.

Современная экономика мусульманских общин в Европе включает в себя два основных компонента. Первый – это легальная экономика. Согласно дан-

ным правоохранительных, статистических, а также финансовых органов государств ЕС, наиболее широко представлены члены мусульманских общин как собственники в таких секторах легальной экономики, как общественное питание, торговля, в первую очередь, на розничных городских рынках, в уличной торговле за наличные, а также в сфере погрузочно-разгрузочных работ. Например, в Генте (Бельгия) мусульманская община контролирует более 30% предприятий общественного питания.

Помимо занятости на предприятиях, владельцами которых являются мусульмане, члены исламских коммун и замкнутых поселений работают на низкоквалифицированных и малооплачиваемых работах практически во всех городах Западной Европы с численностью от 100 тысяч человек в таких отраслях, как клининговые услуги, вывоз и переработка мусора и отходов, погрузочно-разгрузочные работы, а также малооплачиваемые работы в системе городского коммунального хозяйства, включая городскую канализацию, водопровод и т. п.

Эксперты Европола неоднократно обращали внимание, что структура занятости членов мусульманских общин, подверженных влиянию исламистов и, прежде всего, ИГИЛ, потенциально является наиболее рискованным фактором с точки зрения обеспечения безопасности и общественного порядка в мегаполисах и крупных городах ЕС.

Особо тревожная тенденция проявляется в последние два года. В условиях жёстких бюджетных ограничений, а также уменьшения доходной части бюджетов многих городов, муниципалитеты и мэрии всё чаще закрывают глаза на отсутствие у мигрантов соответствующих документов, удостоверяющих права на проживание в государстве ЕС и работу. Пользуясь определёнными полномочиями, связанными с регулированием рынка труда и условиями проживания, местные органы власти негласно вступают в связи с лидерами исламских коммун и принимают на работу без должного оформления не только легальных, но и нелегальных мигрантов. Европейские города и их население всё более становятся заложниками того, что гастарбайтеры, по сути, становятся не только привычными на улицах крупных городов, но и обеспечивают их коммунальное и инфраструктурное существование. В 2016 году Европолу удалось перехватить в сети Тог два послания, написанных в виде воображаемого дневника. Суть их сводилась к тому, что беспорядочные мелкие террористические акты в европейских городах будут сопровождаться невыходом на работу находящихся под влиянием ИГИЛ радикальных исламистов, занятых в жизненно важных для городского хозяйства сферах. Всё это породит хаос в Европе.

Вторым направлением мобилизации средств на террористическую деятельность является использование возможностей, открываемых социальной политикой в ЕС. Наряду с доходами от незаконной миграции, а также участия в легальной экономике ЕС, джихадисты и, в первую очередь, ИГИЛ извлекают прибыль из социальных выплат представителям мусульманских общин, легально проживающих на территории ЕС. В 2015–2016 годах было установлено более 30 случаев, в основном в Бельгии и Германии, когда легальные мигранты, а также мигранты, находящиеся в лагерях временного содержания, выплачивали лицам, связанным с ИГИЛ, ежемесячные суммы, составлявшие до 1/3 получаемых ими от государства пособий.

Особенность социального законодательства большинства западноевропейских стран ЕС такова, что значительная часть социальных выплат приходится не на здравоохранение и образование, а на пособия на детей, а также компенсация различного рода лишений, начиная с безработицы, вплоть до адаптации. Например, в Бельгии при общей численности мусульманского населения 12%, оно получает 31% социальных пособий, выплачиваемых в стране. Для Германии соответствующие цифры составляют 7% и 13%. Наибольший перекося наблюдается в Дании, где 3% мусульманского населения страны получает 17% пособий.

На 1 июля 2016 года в странах ЕС было зарегистрировано 816 человек, привлечённых за совершение преступлений, связанных с терроризмом. 67% из них также проходили по делам, связанным с участием в серьёзной и/или организованной преступности. Средний возраст преступников составляет 33 года. 90% – это лица мужского пола. Большинство подозреваемых сообщило, что являются в настоящее время гражданами ЕС. Чуть более 70% родились

за пределами ЕС и получили гражданство впоследствии. 90% подозреваемых являются гражданами Бельгии, Нидерландов, Соединённого Королевства, Франции и Германии. Более 40% подозреваемых побывали в Сирии или Ираке и более 25% участвовали в боевых действиях в этих странах. Более половины подозреваемых ещё до ареста проходили по базам правоохранительных органов как участники серьёзных или коллективных организованных преступлений.

В настоящее время преждевременно говорить, сохранится ли такая тенденция в будущем. Как было указано ранее, данные, полученные в 2016 году, показывают, что джихадисты, по крайней мере, ИГИЛ, отходят от политики координации или даже сращивания с организованной преступностью в государствах ЕС и осуществляют практические действия по установлению контроля над уличной и локальной организованной преступностью. Лишь после анализа данных двух-трёхлетнего периода можно будет делать обобщённые выводы о направлениях взаимодействия ИГИЛ с организованной преступностью.

Первичные данные показывают, что, против ожидания экспертов и в противовес с освещением темы в СМИ, джихадисты, ориентированные на ЕС, стараются совмещать террористическую деятельность именно с корыстной организованной преступностью. Более 70% подозреваемых в терроризме ранее участвовало в преступлениях против собственности, а также иных преступлениях корыстного характера.

Принимая во внимание, что некоторые из лиц, связанные с террористическими преступлениями, социализированы в криминальной среде, есть основания полагать, что ИГИЛ переходит к политике максимального замыкания стихийных ячеек внутри себя с выдвиганием специальных лиц для контактов с преступным миром, своего рода послов ИГИЛ в европейской преступности.

В 2016 году, анализируя тенденции и тренды активности джихадистов в Европе, исследовательские группы Европола сделали следующие выводы.

В настоящее время в странах ЕС наблюдается тенденция к росту масштабов, частоты и последствий террористических актов. Растёт разнообразие мишеней, способов осуществления атак и акторов террористических действий.

Отличительной особенностью ИГИЛ является сочетание опоры на стихийную, спонтанную активность индоктринированных джихадистов с проведением спланированных на уровне войсковых операций целенаправленных нападений.

Прослеживается тенденция вовлечения в арсенал ИГИЛ не только заводских и самодельных орудий огневого и взрывного поражения, но и неконвенциональных видов вооружений, включая биологическое и химическое.

В течение 2013–2016 годов ИГИЛ удалось создать на территории ЕС разветвлённую, по большей части, спящую сеть автономных ячеек, опирающихся не на внешние, а на внутренние ресурсы и способных к независимым, в том числе, спонтанным действиям.

В целом на горизонте 3–5 лет для европейского террористического джихадизма будут характерны следующие основные черты:

во-первых, уже в настоящее время, а тем более в будущем на территории государств ЕС реально происходит объединение структур террористических организаций, транснациональной и региональной организованной преступности, а также деструктивных формирований, действующих в интересах акторов, лежащих за пределами ЕС, включая не только государственных субъектов, но и различного рода теневые финансовые, конфессиональные и иные образования. Сложившееся в течение XX века жёсткое разделение сфер деятельности полиции, разведки и вооружённых сил уже не соответствует реальной обстановке. Враг действует против Европы, объединяя все деструктивные возможности и ресурсы. При этом вооружённые силы, разведывательные органы и полицейские структуры в государствах ЕС продолжают работать сами по себе. Против исламистского “кулака” действуют “растопыренные пальцы”;

во-вторых, война с деструктивным врагом принципиально отличается от антитеррористических, а тем более от военных кампаний XX–начала XXI веков. Информация Европола за 2015–2016 годы убедительно свидетельствует, что успехи коалиций в борьбе с ИГИЛ на территории Ирака и Сирии не ослабляют угрозу Европе, а, наоборот, увеличивают её. Деструктивные силы и их террористическое ядро научились на порядки более эффективно, чем государственные силы коалиций, действовать в хаотической среде. Она для них

является естественной, привычной, и террористы используют это преимущество для переброски массового потока нелегальных мигрантов в Европу. Кроме того, сами по себе *террористические организации обладают высочайшей мобильностью и имеют модульный характер*. Соответственно, даже при поражении на поле боя и потере территорий часть сетей перебазировается в другие регионы.

В статье Антона Трояновски и Маркуса Уолкера “Террористические атаки в Париже изменили направление дискуссии о миграционном кризисе в Европе” в *The Wall Street Journal* подняты вопросы о связи между *проблемой с мигрантами и беженцами и террористической деятельностью*. До террористических атак в Париже в ноябре 2015 года представители органов безопасности практически не упоминали о каком-либо взаимодействии или связи между волной беженцев и терроризмом. Тот факт, что двое из преступников были зарегистрированы в Греции и других европейских странах до прибытия в Париж для выполнения своей миссии, продемонстрировал возможность использования потоков беженцев Аль-Каидой, ИГИЛ и другими подобными группировками для проникновения в пределы ЕС и проведения атак. В то же время пропагандистские кампании террористических группировок, наряду с прямыми угрозами против европейских стран, направляемыми джихадистами через интернет, вызывают озабоченность состоянием дел в сфере обеспечения безопасности и наполняют наши сообщества страхом.

Упомянутая ранее дискуссия среди стран ЕС ставит под вопрос шенгенскую политику открытых границ и уже привела к принятию европейскими государствами более жёсткой политики на национальном или региональном уровне. После терактов в Париже лидеры нескольких стран отказались от обязательств по приёму беженцев из Греции и Италии в рамках программы переселения, после того как их правительства уступили давлению со стороны популистских и крайне правых партий, требующих проведения политики по закрытию границ. Вполне понятно, что такое положение дел вызывает озабоченность не только из-за проблем безопасности, но и в связи с социальными последствиями. С другой стороны, следует также признать, что вероятность того, что террористы будут выдавать себя за беженцев, вероятно, несколько преувеличена. Принимая во внимание то, что лишь горстка людей из почти 1 млн беженцев и мигрантов, прибывших в ЕС в прошлом году, были связаны с террористическими атаками, процентное отношение находится на грани статистической погрешности. В отчёте Европола за январь 2016 года “Изменения в способе действий Исламского государства при проведении террористических атак” говорится: “Конкретных данных о систематическом использовании террористами потока беженцев для скрытого проникновения в Европу нет”. Напротив, Европол и эксперты в области безопасности из стран ЕС фокусируют своё внимание на возвращении из-за границы боевиков, — в основном религиозно мотивированных граждан, которые покинули свои страны в ЕС, чтобы пройти подготовку или сражаться в зоне боевых действий. Эти люди, большинству из которых никто не платит, по возвращении представляют потенциальную угрозу для стран Запада, так как у них более высокая подготовка и мотивация. Возвратившись домой, они могут выступать в роли вербовщиков исламских экстремистов, выбрав своей целью сирийских беженцев, прибывающих в Европу.

Нельзя не согласиться с мнением проф. А. В. Манойло: “Сейчас власти Европы имеют дело не с толпами напуганных мигрантов, а с *хорошо организованной социально-политической единицей*, сообществом со своей внутренней иерархией, своими лидерами и системой подчинения. Этот момент власти Европы проморгали.

Мигранты видят пассивность властей, видят, что политическая элита той же Германии боится активных действий по защите собственных граждан. И это определённый сигнал: беженцы усиливают натиск. Во главе их на *низшем уровне стоят стихийно выдвинувшиеся лидеры, а на верхнем — этнические преступные сообщества и эмиссары террористических организаций, таких как ИГИЛ*.

Потому сейчас мигранты просто выполняют отведённую им роль, разрастаясь и объединяясь по всему континенту: это ресурс давления на власть, дестабилизации политической ситуации. Для Аль-Каиды или того же ИГИЛ европейских границ вообще не существует.

Мигранты поддерживают между собой связь. Их выступления в разных частях Европы носят явно скоординированный характер. А европейские страны не выступают единым фронтом, действуя каждая по себе, на свой страх и риск. Они до сих пор не объединились перед лицом этой угрозы. Что из этого следует? Есть вероятность, что новая сила по очереди передавит власти европейских государств”.

Прав А. В. Манойло, когда говорит о том, что “следующим этапом будет организованный бунт, поводом для которого станет любой инцидент, связанный с избиением или убийством одного из мигрантов. Такое запросто может быть, если, например, полицейский будет защищать какую-то немку от банды насильников. И это может дать эффект, который был в США.

Хорошо организованные сообщества мигрантов выйдут на улицы, в руках у них будет не только арматура, но еще и оружие – раздобыть его даже в Германии несложно, ведь с мигрантами переселилось и сообщество, которое на родине контролировало преступный бизнес. Полиция Германии отмечает, что под тем же Кёльном и Гамбургом действуют преступные группировки типа Ка-сабланки.

Европа может погрузиться в хаос. Однако для мигрантов это будет вполне привычной средой: какой бы хаос в Европе в результате этого ни происходил, он будет порядком по сравнению с тем, что творится сейчас у них в родных странах. Понятие хаоса и порядка у них совершенно иное, чем у европейцев”.

В 2016 году, по данным Европола, происходило плановое перемещение не только части руководящих структур, но и материально-финансовой инфраструктуры ИГИЛ из районов Ирака и северо-восточной Сирии в Ливию и Йемен. Особую озабоченность вызывает то, что существует много документальных подтверждений развёртывания инфраструктурных сетей ИГИЛ на Балканах, прежде всего, в районах компактного проживания мусульман в Боснии и Косово. На территории Западной Европы материально-технические и финансовые подразделения ИГИЛ постепенно формируются в плотную сеть во фландрских районах Бельгии, на севере и на самом юге Франции.

В отличие от традиционных организационных структур террористических сетей и организаций, ИГИЛ является принципиально новым образованием. Традиционные террористические организации в значительной степени обеспечивали единство и организованность за счёт концентрации на высшем уровне финансовых и боевых ресурсов, а также использовали жёстко иерархическую систему принятия решений. Анализ деятельности ИГИЛ в течение 2013–2016 годов показывает, что чем дальше, тем больше организация переходит от сетевой к ячейковой модели. Каждая ячейка самостоятельно обеспечивает финансовую, кадровую и огневую базу террористической деятельности. Координация между ячейками осуществляется импульсно, от случая к случаю, в рамках проведения определённых операций. Непосредственные связи пролегают не через финансовые транзакции либо незаконные поставки оружия и т. п., а через информационное пространство. Роль центрального командования ИГИЛ непосредственно за рамками театра регулярных действий состоит не в координации финансово-материальных потоков, а в отдаче приказов фанатикам-верующим к осуществлению акций и кампаний, включая кровавые террористические акты.

В известной степени справедливо говорить, что в рамках ИГИЛ формируется эффективная система бесструктурного управления. Это создаёт серьёзные сложности в работе правоохранительных органов, пограничных служб и вооружённых сил государств ЕС. Все они нацелены на прерывание финансовых, логистических и иных цепочек, являющихся материализацией структурного управления. Любой европейский правоохранитель с первых дней службы руководствуется принципом: хочешь найти преступника, иди по следам денег. В новой реальности надо идти по следам проповедей, фетв и сообщений в социальных сетях.

Что касается возможностей осуществления террористических актов и создания сети спящих и действующих ячеек ИГИЛ на территории России, интересно мнение экспертов Интерпола и Европола, отражённое в докладах, посвящённых ИГИЛ, опубликованных в 2016 году. По мнению действующих и отставных сотрудников разведок стран ЕС, высокопоставленных представителей правоохранительных органов и аналитиков, российская антитеррористическая система на сегодняшний день является наряду с израильской

наиболее мощной и эффективной в мире. По этой причине они полагают маловероятным целенаправленный перенос активности ИГИЛ на территорию России. Гораздо более уязвимыми являются страны Центральной Азии, в первую очередь, Таджикистан и Ферганская долина, занимающая территорию Узбекистана и частично Казахстана. Одна из самых высоких, наряду с Бангладеш, плотность населения в мире, крайняя бедность и даже нищета десятков миллионов человек, и практически 100% уровень религиозности населения делают этот регион вместе с Ливией наиболее перспективным для переноса деятельности ИГИЛ из районов Сирии и Ирака. Тем более, руководители ИГИЛ имеют обширные связи в правоохранительных, административных и разведывательных структурах Таджикистана, Узбекистана и Киргизии.

В заключение можно сделать несколько выводов. Вывод первый. ИГИЛ представляет собой религиозно-террористическую организацию принципиально нового типа, в которой сплавлены в единое целое агрессивный религиозный фундаментализм с новейшими достижениями организационных и поведенческих наук. Далеко не случайно в основе ИГИЛ лежали структуры разведки и армии баасистского Ирака времён Саддама Хусейна. Ни для кого не секрет, что последние годы своего правления Саддам Хусейн тесно взаимодействовал напрямую с представителями теневой власти многих западноевропейских стран, с преступным миром, а также с некоторыми кругами экстремистского подполья по всему миру.

Вывод второй. Исчезновение квазигосударства ИГИЛ может оказаться пирровой победой в том случае, если руководящему ядру ИГИЛ удастся расширяться в сирийской пустыни и скрытно перебраться в такие страны, как Ливия, Йемен, в афгано-пакистанскую племенную зону и т. п.

Вывод третий. ИГИЛ за время своего квазигосударственного существования успело создать разветвлённую сеть спящих ячеек в странах ЕС. Сегодня эти ячейки могут действовать независимо от существования квазигосударственного образования. Иными словами, победа над ИГИЛ на Ближнем и Среднем Востоке не только не гарантирует победу над террористической организацией в странах ЕС и Северной Америке, а напротив, ведёт к бóльшим рискам и угрозам.

(Окончание следует)